

Авессалом Подводный

Серия «КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ АСТРОЛОГИЯ»

Часть 1

ТОНКИЕ ТЕЛА

«Аквамарин»

Москва
2011

ББК Ю9 88

П44

П44 Авессалом Подводный Серия «Каббалистическая астрология». Часть 1. Тонкие тела. Москва. Аквармарин, 2011 – 294 стр.

Серия «Каббалистическая астрология»

Часть 1. Тонкие тела

Часть 2. Знаки Зодиака

Часть 3. Планеты

Часть 4. Дома

В этой серии автор развивает универсальную концепцию человека как единого существа, объединяющую всевозможные его проявления – от физических до чисто духовных, и показывает, как астрология может быть использована в качестве инструмента изучения его индивидуальных особенностей на всех уровнях его существования.

Часть 1. Тонкие тела

Книга представляет собой изложение единой концепции человека как совокупности семи тонких тел, представляющих собой оболочки его высшего «я», реагирующие на различные воздействия внешней среды и взаимодействующие друг с другом. В рамках одного подхода рассматриваются духовные, мировоззренческо-целостные, конкретно-событийные, умственные, эмоциональные, биоэнергетические и физические проявления человека в связи с аналогичными микро- и макро-социальными проблемами и явлениями.

Оглавление

Введение	4
<i>Глава 1.</i> Атманическое тело	18
<i>Глава 2.</i> Буддхиальное тело	64
<i>Глава 3.</i> Каузальное тело	109
<i>Глава 4.</i> Ментальное тело	151
<i>Глава 5.</i> Астральное тело	195
<i>Глава 6.</i> Эфирное тело	229
<i>Глава 7.</i> Физическое тело	261

Введение

Не в напрасном тщании убедить читателя доказательствами, но в неуклонном внутреннем стремлении автора обрести и явно выразить смутно ощущаемое им единство мира написана эта книга.

Две парадигмы мышления. Каждому времени, каждой эпохе соответствуют свои физические модели, а также представления о психологии человека и природе Божественного, и даже поверхностный исторический взгляд на последние века показывает, что ведущие физическая, психологическая и теологическая парадигмы интимно связаны. Иногда кажется, что каждому времени дается одно откровение, довольно общего характера, которое улавливается людьми, наиболее продвинутыми в различных областях, после чего интерпретируется ими применительно к интересующим их конкретным проблемам. Ньютоновская механика и базирующийся на ней детерминизм Лапласа, то есть принципиальная возможность точно предсказать положение всех тел во Вселенной в любой момент времени хорошо сочетаются, с одной стороны с атеистическим материализмом, а с другой – с концепциями развития человечества на основе совершенствования государственных форм, в которых социальный индивид рассматривается как пассивный и точно предсказуемый объект воздействия со стороны властей – полная аналогия с материальной точкой в механике Ньютона, послушно двигающейся с ускорением, предписанным действующей на нее силой.

Ньютоновской физике не нужен был Бог – по той простой причине, что в Его роли выступал физик, озирающий, подобно орлу, Вселенную сразу и целиком, и присутствующий одновременно во всех ее местах – иначе нет возможности ввести абсолютное время и пространство и написать уравнения движения.

Этому взгляду соответствуют как ранние утопически-социалистические, так и тиранически-унитарные идеи государственного устройства, регулирующего жизнь человека от рождения до смерти, от его физиологии до образа мыслей и культовых отправлениях включительно.

Другой характерной и очень любимой физиками чертой ньютоновской физики является возможность существования замкнутых, то есть изолированных от остального мира, систем, которые, следовательно, можно изучать сами по себе. Молчаливо предполагается, что физик может взять любую часть «пустого» пространства, населить ее телами и частицами по своему выбору и посмотреть, что из этого получится; более того, расчет некоторых простейших замкнутых систем и проведение соответствующих экспериментов составляет важную часть физической науки. В социально-государственной парадигме этим идеям соответствует представление о возможности создания властями – за достаточно крепкой решеткой – тех законов и реальностей, которые ими рассматриваются как наиболее желательные и справедливые. Одной решеткой обносится граница государства, другой – забираются окна тюрем, и в заключение колючей проволокой размечается на квадраты вся оставшаяся территория. Ну и, конечно, важнейшую роль в таких системах играет тайная полиция, неукоснительно следящая за исполнением кармических обязанностей населения, выражающихся в его беспрекословном подчинении воле государства – в физических моделях этому соответствует фигура наблюдателя, то есть экспериментатора, вооруженного тончайшей следящей аппаратурой.

Альтернативным по отношению к частице является понятие волны, вибрации или колебания. Волна не локализована в пространстве, и основными ее характеристиками являются не координата, как у частицы, а частота (число колебаний в секунду) и амплитуда (высота гребня). Разницу между корпускулярным (то есть основывающемся на понятии частицы) и волновым подходами хорошо иллюстрировать на примере симптоматики болезней физического тела человека.

Одни болезни лучше описывать в корпускулярной парадигме, так как они узко локализованы, и основная проблема

заключается в поиске дефектного места или органа, как в следующем диалоге мамы и мальчика:

- Что у тебя болит?
- Палец.
- Где?
- Вот здесь.
- А, это заноза. Сейчас мы ее вынем.

Если вместо занозы обнаруживается раковая опухоль, действуем аналогично.

Однако симптомы многих других, очевидно патологических, состояний не удается локализовать:

- Что с тобой?
- Меня всего трясет, плохо себя чувствую.

Вялость, слабость, низкий жизненный тонус, равно как и жар, лихорадку и многие другие не локализованные в конкретном члене или органе симптомы гораздо естественнее описывать в волновой парадигме – ясно чувствуется, что у человека сбились какие-то телесные ритмы, и организм работает в необычном и не очень естественном, например, форсированном режиме. Однако у современной западной медицины, очень далеко ушедшей по, так сказать, корпускулярному пути развития, почти не развит волновой, или вибрационный способ мышления – к нему сейчас пытаются прийти так называемые экстрасенсы, но говорить о серьезных научных разработках и создании волнового языка, приближающегося по детализации к традиционному медицинскому, пока не приходится. Еще хуже обстоит дело в описании социальных процессов, чей глобальный и «волновой» характер уже давно стали очевидны, судя по распространенным метафорам типа «власть лихорадит» или «волна народных восстаний». Тем не менее, корпускулярный взгляд здесь остается доминирующим в осмыслении теоретиками: социологами и политологами; практические политики, однако, все больше склоняются к волновой парадигме, употребляя такие выражения, как «равновесие сил в регионе», «стабилизация» и т. д.; впрочем, пока мало кто из них (насколько известно автору) непосредственно руководствуется указаниями Лао-цзы, изложенными в его несравненном «Дао-Дэ цзине».

* * *

По-видимому понятие колебания (или ритма) является столь же фундаментальным, как и понятие точки (конкретного места), и поэтому трудно отдать решительное предпочтение одному из двух подходов – волновому или корпускулярному, и они оба должны существовать в сфере познания, как способы восприятия и методы моделирования внешнего мира, как плотного, так и тонкого. Однако на пути синтеза этих подходов возникают очень своеобразные трудности – по мнению автора, принципиально непреодолимые. Намек на эту ситуацию в теоретической физике имеется в виде принципа неопределенности: узнав с высокой точностью координату частицы, мы не можем рассчитывать на то, чтобы столь же точно определить ее скорость: произведение погрешностей измерения этих величин всегда превосходит некоторую абсолютную константу. В общей теории систем (если таковая будет когда-нибудь построена) принцип неопределенности мог бы выглядеть приблизительно так: исследуя систему, мы в некоторый момент времени встаем перед альтернативой: либо изучать, что же она представляет собой сейчас, углубляясь во всевозможные подробности (аналоги: корпускулярный подход, определение координаты), либо искать некоторые общие ритмы ее жизни, пытаясь определить ее будущее (волновой подход, определение скорости). Сделать то, и другое одновременно обычно не удается, и не только потому, что на подобный проект не хватает средств, а еще и по той причине, что ритмы мелких частей системы чаще всего не дают представления об ее основном ритме, и чем глубже мы погружаемся в изучение структуры и элементов системы, тем в большей степени мы удаляемся от понимания направления ее магистрального развития или нахождения главного ритма. Наоборот, фиксация внимания на основном ритме системы или направлении ее развития не дает возможности конкретизировать ее изучение – подробности как бы расплываются и остается некоторое абстрактное целое, совершающее определенное простейшее движение.

Рассмотрим разницу между этими подходами на примере изучения маятника. При корпускулярном взгляде нам нужно подойти к нему как можно ближе, изучить материал, из кото-

рого он сделан, форму груза и штанги, узел подвески, определить коэффициент трения и т.д. При этом движение маятника нам будет сильно мешать, и мы постараемся его остановить или перенести измерительную лабораторию непосредственно на маятник.

При волновом подходе мы, наоборот, отойдем от маятника подальше, так, чтобы видны были только колебания грузика вправо-влево, а прочие подробности его устройства и движения не отвлекали нашего внимания. Именно так устроен сложный маятник – механические часы: все внутренние ритмы – вращение множества зубчатых колес – тщательно скрыты от потребителя корпусом, и снаружи на циферблате оставлен лишь основной ритм: часы и минуты.

Волновой подход отличается от корпускулярного в очень важном отношении: он позволяет как-то отразить единство мира и взаимную связь всех его частей. Ньютоновская модель абсолютного пространства-времени обладает противоположным качеством: в ней сильно разнесенные области независимы, то есть происходящее в данном месте пространства никак не влияет на участки, достаточно от него удаленные: силы тяготения, а тем более электромагнитные, быстро убывают с расстоянием – и пиши губерния, в столицу. Концепция же колебаний подразумевает общее движение системы как единого целого, да и чисто внешне все точки гребня волны объединяются друг с другом видимым образом; кроме того, колебания обеспечивают и связь времен: «Давешней весной овсы принимались не в пример дружнее», – говорим мы, и непосредственно чувствуем на себе дыхание Вечности.

Холистическая идея. К концу XIX и началу XX века идея о мире как составленном из большого числа независимых кусков начала себя решительно изживать.

Величайший мистик XIX века Шри Рамакришна, которого многие считали аватаром, то есть Божественным воплощением, не принес, однако, с собой новой религии; его миссия состояла в том, чтобы, постигнув Бога через уже имеющиеся конфессии, увидеть, что Он един, и возвестить миру об этом.

Зигмунд Фрейд связал воедино многие казавшиеся независимыми психические проявления человека, проинтерпрети-

ровав их как следствия общей причины, заключенной в подсознании. Конечно, представления Фрейда с современной точки зрения были достаточно наивными, и, если пользоваться физическими аналогиями, вызывали ассоциации с гидравлическими устройствами (правда, его *сублимация* уже не так проста и несомненно апеллирует к алхимической возгонке), но в них было то достоинство, что единство психических процессов и душевной деятельности человека устанавливалось не методом наложения, так сказать, горизонтальных связей, а обеспечивалось выходом в дополнительное измерение (подсознание) и установлением вертикальных связей с ним.

Одновременно происходил величайший переворот в физике: Альберт Эйнштейн (в специальной теории относительности) упразднил абсолютное пространство-время и установил, что тела (гравитационные массы) влияют на свойства «пустого» пространства вокруг них (искривляют его – общая теория относительности); таким образом, мир оказался гораздо сложнее, чем при Ньюtone, но и чуть более связным, хотя по-прежнему детерминированным в смысле Лапласа. Сокрушительного удара возникновения квантовой механики западная философия не выдержала, и по существу попросту ее проигнорировала. А ведь было чему изумиться: отныне элементарная частица существовала в виде размазанного по пространству облака, обещающая обнаружиться в любом его месте, но где именно, можно предполагать лишь с известной вероятностью. Таким образом, абсолютная рабская зависимость частицы от наблюдателя кончилась – но не это, само по себе поражающее воображение обстоятельство, было главным. Отныне оказалось связным пространство: присутствуя в какой-либо области, частица могла обнаружиться и в любой другой, даже отделенной от первой не преодолимым в классической (ньютоновской) физике потенциальным барьером (так называемый «туннельный переход»). Говоря политическим языком, заключенный получал принципиальное право на подкоп и бегство из тюрьмы.

Интересно, что даже в такой «сухой» области, как экономика, в тридцатые годы XX века получила распространение межотраслевая модель Василия Леонтьева, смысл которой заключается в следующем: в основе экономики лежит балансиро-

вание товарных и денежных потоков между различными ее отраслями, и изменение в любой из них немедленно сказывается и на всех остальных.

Развитие науки во второй половине XX века принесло совершенно неожиданное расширение глобальной парадигмы, уже усвоенной в физике, на физиологию высшей нервной деятельности. Исследования известного нейрофизиолога Карла Прибрама показали, что различная информация хранится не в отдельных нейронах или небольших участках коры головного мозга, но распределена по нему целиком. Параллельно с этим была реализована идея голографического изображения, в котором обнаруживается тот же эффект: любой кусок пластинки голограммы содержит информацию о всем изображаемом объекте. На уровне философского осмысления здесь напрашивается аналогия из Веданты: человек как микрокосм тождественен Вселенной как макрокосму. Заметим, что голограмма сама по себе прямо связана с волновым подходом, ибо есть не что иное как фотография интерференционной картинки, полученной при освещении предмета светом с точно подобранными волновыми характеристиками. При этом каждый элемент (деталь) предмета оказывает влияние на каждый фрагмент пластинки голограммы, так как, отражаясь от него, волна распространяется далее по всему пространству пластинки и интерферирует со всеми остальными отраженными волнами. Здесь символически выражено торжество глобальной парадигмы: если считать отдельную деталь предмета «частицей», то на голографической пластинке она распространяется по всей ее поверхности – аналогия с квантово-механическими представлениями здесь очевидна.

Соотношение между корпускулярным и волновым подходами похоже на баланс Девы и Рыб: Дева углубляется в частности и в них находит вкус и смысл своей деятельности, в то время как Рыбы стремятся уловить и ощутить нечто тайное и невыразимое, скрытое за фасадом очевидного, но являющее его внутренний смысл. Трудность, однако, заключается в том, что найти этот смысл, или главный ритм, или основное направление развития системы сразу не удастся: сначала нужно ее изучить в той или иной корпускулярной модели, и лишь тогда

становится возможным волновой подход; и здесь важнейший момент – это знание того, где следует остановиться в изучении подробностей и попытаться перейти к синтезу, то есть начать представлять объект более тонкого мира, породивший данную систему: его символом и служит главный ритм системы.

Тонкий и плотный планы. Во многих моделях можно различить два плана: тонкий и плотный (грубый). Создание плотного объекта происходит обычно по той причине, что тонкий объект (его прототип) не может решить проблемы своего развития на том плане, на котором находится. Поэтому он творит в плотном плане свое грубое подобие – плотный объект, снабжая его определенной задачей, которая плотным объектом воспринимается как наложенная извне карма, которую надо изживать; происхождение же этой кармы ясно: она есть не что иное как не решенная на тонком плане задача тонкого объекта, спущенная им на плотный план и возложенная на плотный объект в надежде, что последний ее развяжет. Здесь, однако, исход неоднозначен, поскольку плотный объект может и не выполнить возложенную на него программу, и тогда к концу своей жизни он, разрушившись, не решит, а сильно усложнит ту кармическую задачу тонкого объекта, ради которой был когда-то создан (подробнее см. книгу автора «Эзотерическая астрология», часть 1).

Возможен, однако, и третий вариант: плотный объект может, будучи не в силах решить задачу своей эволюции на своем уровне, пойти по тому же пути, на котором был создан сам, то есть сотворить новый, еще более грубый объект, и возложить на него часть своей кармы, и так далее – до шести раз, когда и возникает изучаемая в этом сочинении семиплановая каббалистическая модель мира и человека. Следует иметь в виду, впрочем, что творение объектов и миров – довольно трудное занятие и к тому же тщательно контролируемое пока еще почти не исследованными законами природы. И, что очень важно, каждый объект несет ответственность за все порожденные им более плотные, и пока они все не прекратят свое существование, его высветление и преображение невозможны, а плохо рассчитанное творение грубых реальностей и объектов с целью перенести на них собственную карму является основным ис-

точником дисгармонии и зла мира. Типичный пример это неспособность решить конфликт мирным способом, то есть переговорами. Исчерпав дипломатические ресурсы, государства создают свои плотные модели – вооруженные армии, которые и разрешают противоречия свойственными им методами и в качественно иной, гораздо более плотной и грубой реальности, носящей зловещее имя: *война*.

Гуманистическая психология. После второй мировой войны психология стала радовать широкие круги своих поклонников и клиентов тем, что повернулась (или, точнее, начала поворачиваться) к ним лицом: появилось направление, получившее название гуманистической психологии (Карл Роджерс, Виктор Франкл, Вирджиния Сатир и многие другие) и, далее, сакральной психологии (Джин Хьюстон). Теперь в центре внимания оказались не животные инстинкты или инфантильные переживания, а то, что волнует человека актуально, то есть в тот момент, когда он является к психологу; ценностью была объявлена неповторимая человеческая личность – такая, какая она есть.

В основе гуманистического подхода лежит нелокальная модель психики; например, Роджерс никогда не стремился жестко детерминировать темы в своих группах общения: считалось, что группа сама их находит, выбирая из числа наиболее актуальных для участников. Таким образом, предполагалось, что решение какой-либо одной проблемы, например, снятие одного конкретного зажима, благотворно сказывается на психике в целом. Другими словами, если Фрейд искал корни проблем клиентов в их детских переживаниях, вытесненных в подсознание, и стремился найти и обезвредить истинную причину расстройства, зачастую игнорируя мнение своего пациента, то Роджерс прибегает, так сказать, к симптоматическому лечению, занимаясь непосредственно тем, что ему предлагают клиенты. Казалось бы, Фрейд действует более профессионально: любой врач должен лечить не симптом, а болезнь. Однако такой взгляд характерен для локальной парадигмы, смысл которой можно сформулировать так: то, что происходит в данной изолированной области пространства (например, психики), не оказывает существенного влияния на остальные области. Тог-

да, действительно, устранив симптом, мы, так сказать, оборвем один лист с дерева, а его корень и ствол останутся в неприкосновенности, и болезнь сохранится. Если же встать на глобальную точку зрения, согласно которой изолированных областей нет, и психика является единым организмом, в котором все явления и программы взаимосвязаны, то получится, что модель «корни – листья» несостоятельна, так как листья вполне можно рассматривать как корни, а корни как листья, и злоторное растение можно ликвидировать, начиная с любого его места.

Энтелехия. Второй существенный момент, отличающий гуманистическую школу, – это акцент, который Хьюстон называет энтелехией, то есть некоторыми скрытыми (у нее – сакральными) *целью* и *смыслом*, которыми наделяется как жизнь любого человека, так и группы; этот смысл, задающий динамику развития, постепенно обнаруживается и оправдывает трудности и невзгоды существования. У Роджерса энтелехия скрыта, но, судя по всему, в его собственных группах она ощущалась очень отчетливо, хотя исчезала в книгах, посвященных его методике, за что он подвергался критике: действительно, само по себе совершенствование в искусстве общения под крылом опытного наставника и в полном отрыве от обычной реальности участников мало что дает – если не учитывать личную харизму групповода, которая, распространяясь на группу, придает общению дополнительный высший смысл, а потому и глобальный терапевтический эффект. Если же руководитель группы общения не обладает необходимыми качествами духовного лидера, то результаты могут оказаться совершенно иллюзорными.

Впрочем, Роджерс избегал прямой духовной или религиозной постановки вопросов (хотя в его личности явственно ощущалась духовная сила); зато Франкл и Хьюстон уже прямо говорят о религиозных переживаниях как о существенной части процесса психологической работы. Это также означает переход от локальной к глобальной парадигме: действительно, если есть некоторая высшая инстанция, ведущая человека по жизни, то через нее осуществляется связь между любыми фрагментами жизни и психики; наивно говоря, Бог все видит, и за этические нарушения в одной области жизни может покарать человека совсем в другой, казалось бы, с первой никак не связанной.

Аналогично, и через энтелехию все жизненные и психические проявления связываются воедино: приближение к жизненной цели включает качественно иные ритмы и энергии во всех областях внешней и внутренней жизни человека (равно как и удаление от нее). Однако до энтелехии в физических моделях мы еще не дожили.

Границы принципа суперпозиции. С отказом от локальной парадигмы, привлекательной по очевидным для всякого исследователя причинам (можно выделить небольшой изолированный участок и подробно в нем разобраться), тесно связан отказ от принципа суперпозиции (наложения). Что такое принцип суперпозиции, проще всего понять, представив себе две волны в океане, движущиеся одна навстречу другой. Если они обе достаточно пологие, то в месте их встречи возникнет вал, высота которого равна сумме высот этих волн, а затем они разойдутся дальше так, как будто встречи не было вовсе. Это – торжество принципа линейности. Если, однако, волны окажутся крутыми, то при встрече произойдет удар, полетят брызги, и единого вала не образуется, а после взаимодействия получится некоторая хаотическая рябь, а сами волны пропадут – здесь принцип суперпозиции уже не работает.

Другая иллюстрация принципа суперпозиции – это ситуация, когда человек заболевает сразу двумя болезнями, скажем, у него начинает болеть голова и одновременно он ранит себе палец. Здесь он вполне может лечить свои недуги отдельно, то есть выпить таблетку анальгина против головной боли и перебинтовать палец, смазав его предварительно йодом. Скорее всего, эти действия не вызовут побочных эффектов (медицинский аналог «линейности» в физике), но, скажем, если от йода голова у человека разболится еще больше, то мы сочтем, что принцип суперпозиции здесь не сработал, то есть лечить разные болезни по отдельности не получается; для тяжелых заболеваний это скорее правило, чем исключение.

Форсированные режимы. Рассматривая любой объект, можно различать нормальные (штатные) условия его жизни, для которых, так сказать, он был исходно спланирован, и форсированные (нештатные, экстремальные) режимы, в которых он ведет себя часто по-другому. И если для нормальных режи-

мов часто удовлетворительны локальный, корпускулярный и линейный подходы, то для форсированных режимов нередко волей-неволей приходится переходить к глобальным и волновым представлениям и нелинейным моделям. Типичные примеры – это фазовые переходы в физике и стрессовые состояния в психологии. Сходство между теми и другими отражено даже в языке: о состоянии сильного эмоционального возбуждения говорят: «Он почти кипит». В форсированных и, в частности, грозящих разрушением режимах часто проявляются глобальные свойства объекта, в частности, усиливаются его энергетические взаимосвязи с его тонким прототипом, а также и с окружающей средой. Это хорошо известно в психологии: религиозный опыт чаще всего возникает в экстремальных ситуациях, или спонтанно, или в результате напряженнейших попыток человека найти выход из тупиковой и крайне тяжелой для него ситуации. Здесь линейные модели, чья философия заключена в принципе «Куда раньше шли, туда и дальше идти будем», перестают устраивать человека, и он (часто неосознанно) переходит на форсированный режим.

Видимо, форсированные режимы работы любых систем, неживых, живых и социальных, изучены значительно хуже, чем их поведение в нормальных условиях существования. С другой стороны, их важность и влияние на общий процесс эволюции очевидны, не говоря о возможности заглянуть в такие тайны, которые покрыты глухим мраком при обычном течении жизни.

Каббалистическая модель: семь тонких тел. Общей целью автора является попытка описания некоторых очень сложных систем, таких, как человек, семья, государство и некоторых других, с точки зрения каббалистической модели, состоящей из семи тонких тел, эскизно описанной в книге автора «Возвращенный оккультизм, или Повесть о тонкой семерке» (гл. 6).

Подход к описанию преимущественно волновой, выделяются лишь различные тела в организме, а структура самих тел почти или вовсе не описывается.

Основное внимание автора привлекают форсированные режимы и энергетические обмены между различными телами, в первую очередь – соседними (соответствующие каналы связи